

«ПО СОСЕДСТВУ МЫ ЖИВЕМ...»

В начале 80-х годов прошлого века **Русский драматический театр в Улан-Удэ** подготовил постановку, которая имела изящное название – «**Маленький спектакль на лоне природы**». Написал пьесу недавний выпускник Восточно-Сибирского института культуры **Степан Лобозёров**. Имя молодого драматурга, автора «своего», местного, сразу запомнилось театралам. Запомнилось потому, что он показал зрителям жизнь вроде бы обыкновенную, будничную, но так ярко высвечивающую значительное и смешное в ней, так неожиданно обнажающую людские характеры, что сидящим

Степан Лобозёров

в зале приходилось то улыбаться, то удивляться, а то и возмущаться.

В глухую сибирскую деревушку ненадолго приехали супруги Старковы – художник Владимир Леонидович, решивший поработать за мольбертом «на лоне природы», и Вика, филолог, литературный критик, составившая мужу компанию с одной целью – отдохнуть от городской суеты. Но оказалось, что работа одного и отдых другой могут быть испорчены местным шофером Никанором Епифановичем Журавлевым. Дело в том, что Никанор Епифанович имеет дочку, которая, как ему кажется, хорошо рисует. И папаша страстно хочет пристроить дитя в какое-нибудь городское заведение, где учат будущих художников. Как называется это заведение и какие в нем учителя, Журавлев не знает. Но он предполагает, что Владимир Леонидович, с которым он случайно познакомился на сельской улице и который по рассеянности пригласил его заходить в гости, ответит на эти вопросы и даже поможет устроить девочку к большим мастерам кисти. Шофер, не мешкая после неожиданного знакомства ни минуты, заставляет жену Агрипшину Антоновну одеться «по выходному», берет бутылку водки и отправляется с супругой к приезжим. Для Старковых гости оказываются неожиданными. А для зрителя? Простодушными? Да. С житейской хитрецей? Пожалуй. Не теряющими достоинства? Верно. «Маленький спектакль» оказался полон живыми подробностями деревенского бытия, его давних и вновь приобретенных, добрых и дурных традиций. Это был водевиль, неприязнительный и веселый, но он открывал большие творческие возможности автора.

Такие возможности уже вскоре драматург проявил в новых комедиях – «**По соседству мы живем**» (1986), «**От суб-**

«Маленький спектакль на лоне природы»

боты до воскресения» (1988), «Коммерсанты» (1990), «Семейный портрет с посторонним» (1991). К тому времени он получил серьезную профессиональную подготовку. Степан Лукич окончил в Москве Высшие режиссерские курсы, театральные курсы при Институте театрального искусства имени А.В. Луначарского, двухгодичные творческие курсы при Литературном институте имени М. Горького. За пьесу «По соседству мы живем» он получает в 1987 году Государственную премию Бурятской АССР, в том же году становится лауреатом премии «Дебют года», присуждаемой журналом «Театральная жизнь», в следующем – лауреатом Всесоюзного конкурса молодых драматургов. Спектакли по комедиям нашего земляка поставили ведущие московские и ленинградские театры, сценические коллек-

тивы многих городов страны. Это был заслуженный успех автора и заслуженная оценка его таланта.

Возьмем пьесу «По соседству мы живем». Она сохраняла чудесную способность драматурга – строить коллизии смешные, почти анекдотические и видеть за ними проблемы нравственные, определяющие нашу духовную жизнь.

Когда-то деревенский парень Федор не захотел жениться на односельчанке Елизавете. Она вышла замуж за другого своего сверстника – Матвея, но давняя душевная рана ожесточила ее. Все-то в поведении и поступках Федора, его престарелых родителей – бабки Фени и деда Василия не нравится ей. И вор-то ее бывший ухажер, и обманщик-то он, как и все в его семействе. Многолетняя неприязнь уже и души враждующих людей источила, как болезнь.

Степан Лобозёров

Но тут в деревню приехал Владимир, молоденький журналист, практикант областной газеты. Замыслы у него грандиозные: он хочет собрать материал не просто для какого-то там очерка или статьи, а для – ни много, ни мало – романа о днях Гражданской войны и коллективизации в здешних местах. И по распоряжению председателя сельсовета в дом бабки и деда, «старинных» людей, как выражаются односельчане, корреспондента ведет именно Елизавета. В беседу неопытного и стеснительного журналиста с хозяевами дома она то и дело вставляет «шпильки». Ей очень хочется, чтобы со страниц газеты весь свет узнал, какие это скверные люди – Федор и его родители.

А разговор-то идет не о буднях деревенской жизни, а о судьбоносных событиях прошлого. Казалось бы, тут не до смешных историй. Но автор пьесы передает рассказы деда и бабки, как и реплики Елизаветы, с тем народным юмором, всегда естественным и мудрым, который не затемняет, а наоборот проясняет правду жизни. И все время любишь самым автором. Вот говорят, что идеология советского вре-

мени диктовала писателям, как нужно освещать те или иные события нашей истории. Но писатель правдивый шел не от чужих прописей, а от жизни, от народного мнения. Это хорошо видно в пьесе «По соседству мы живем». Почитайте:

«Владимир. Ну, хорошо, а гражданская война? Ведь здесь она закончилась только в двадцать втором году, вам тогда уже было двадцать лет. Вы не были в партизанах?

Бабка. А не был, не был, батюшка. Он мужик смирный, зачем ему партизаны?

Елизавета. Так погоди, дед, ты же вроде воевал где-то, говорили? Или ты, может, за царя воевал, а теперь и темните?

Бабка. А ничего он не воевал. Это когда к нашей деревне войско подошло, а командёры и давай мужиков звать. А мужики пошли и не пустили то войско.

Елизавета. Погоди, какое войско-то? Это на Омулёвке (гора в родных местах драматурга. – *А.Р.*), что ли?

Бабка. Ну да. Мужики пошли с ружьями, а бабы с ними, и ребятишки туда же, да все на гору-то и выскочили. А ихние-то атаманы поглядели, сколь народу высыпало, да подумали, что все это

Бенефис С. Лобозёрова

солдаты с пушками, да и убежали. Вот и Василий там был.

Дед. Мне и ружье тогда выдали – берданку. А патронов всего три досталось.

Владимир. Дедушка, а дальше? Вот вы отогнали карательный отряд, а дальше?

Бабка. А чего дальше? Самустили их, мужиков-то, командёры эти, они и пошли на Семенова воевать. А тот Изота убил, да кого ещё-то?

Дед. Позвали нас командёры красные, мы и пошли. Я-то не хотел идтить, а они: отдавай, значит, берданку тогда. А берданка-то новехонькая, как отдашь? Вот и пошел с ими.

Владимир (всем). Ну вот, видите, ведь он участвовал в гражданской войне?

Бабка. Так тут завоюешь. Кабы снова-то Семенов пришел? Он раз уже тут был. До этого Прокопа, дядю моего, увели в ров да и убили. А кого дак железками по спине. Тут поневоле завоюешь».

В таком же духе идет разговор и о коллективизации.

«Владимир. Вы сказали, что настоящих-то кулаков в деревне было только двое. А остальные какие же, не настоящие?

Бабка. Да какие там кулаки. А где их взять? Двое были, и те сгнули. Тут кого хошь, того и раскулачивай. А у батюшки-то две коровы, да две тёлки были. Ну и вот, чуть не загремел из-за них.

Елизавета. О, коровы же и виноватые остались.

Бабка. А из-за кого же? За лишних коров да коней-то и разоряли.

Елизавета. Сами виноватые, что много держали.

Бабка. Так, а исть-то чего? Семья-то, что теперь бригада, была, без коров-то разве прокормишь?»

История вражды получает неожиданное продолжение, уже совсем не комедийное. Елизавета в своем стремлении вывести на чистую воду семью Федора, а по сути дела опорочить ее, выкладывает перед журналистом последний довод. Дескать, сын Федора Николай обманул ее дочь Любу, оставил ту в деревне беременную, а сам убежал в город, искать легкую жизнь. Елизавета пытается заставить юную дочку рассказать о подлости обманщика. А Люба открывает правду: Коля ищет в городе квар-

«Семейный портрет с дензнаками»

тиру, чтобы увезти туда возлюбленную, он пишет ей нежные письма. И это признание самой молодой героини пьесы, человека, которого родные и неродные считали доверчивой, житейски неопытной, вдруг поражает их своей мудростью: как могут рядом с чистыми, святыми чувствами жить злоба, неприязнь, отчужденность людей?

Вот эта высокая нравственная нота и утвердилась в творчестве драматурга. И обеспечила внимание к его творчеству театральных коллективов и зрителей. Пьесы Степана Лобозёрова, по неполным данным, ставились на сценах более двухсот театров нашей страны. К ним обращались Московский академический театр имени М. Горького, стольный же драматический театр имени М. Ермоловой, Санкт-Петербургский Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова, еще один коллектив из города на Неве – Академический театр комедии имени Н.П. Акимова. Что касается сценических коллекти-

вов Бурятии, то достаточно сказать, что Республиканский театр драмы имени Н. Бестужева поставил почти все пьесы Степана Лукича, причем большинство из них – первым в стране. Оценкой творчества писателя стало присвоение ему званий заслуженного деятеля искусств Республики Бурятия и Российской Федерации.

В последние два десятилетия на отечественной сцене часто появляются драмы и комедии, которые оказываются не в ладу ни с моралью, ни с поэзией, ни с правдой жизни. Пьесы нашего земляка – из другого ряда. Они продолжают классические традиции российского многонационального театра. С. Лобозеров в журнальных и газетных публикациях не раз говорил о значении этих традиций для своего творчества. Напомню только одно его размышление на этот счет: «...классика – это камертон, без которого невозможно определить, правильную ли ноту взяла современная культура. Без такого ка-

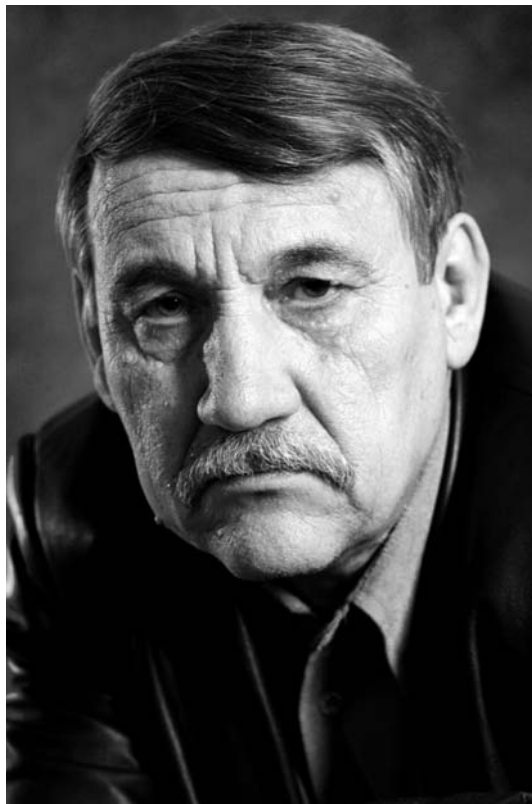
мертона гармонию заглушает какофония. И еще: классика является единственным эталоном, при утере которого рождается множество фальшивых «образцов» и начинается деградация культуры и общества. Наконец, классика – это источник традиции, разрыв с которой превратит наследников подлинной культуры сначала в «новых кочевников», не имеющих никаких корней (что уже и наблюдается в мире), а затем в огромное стадо потомков обезьян, самая главная проблема для которых будет заключаться в количестве бананов. Сейчас сторонниками такого пути ведется против классики настоящая война, цель которой ослабить, а лучше вообще уничтожить ее влияние. Достигается это с помощью современных «подходов», супероригинальных «прочтений» и иного насилия над классикой».

Слава Богу, пьесы самого драматурга трудно исказить с помощью «оригинальных подходов» иных постановщиков или «ультрасовременных прочтений». По меткому замечанию одного рецензента, «пьесы Лобозёрова невозможно испортить на сцене, они «самостояющиеся».

Возьмите, например, комедии «Семейный портрет с посторонним» и «Семейный портрет с дензнаками», сюжетно перекликающиеся. Посмотрев первую из них на сцене Красноярского академического театра драмы, Виктор Астафьев сказал: «Простой, добрый и веселый спектакль. Такого озорного спектакля в наших театрах давно не было».

Выдающемуся прозаику, думается, понравились естественность сценического действия, узнаваемость характеров, оправданность каждого поступка героев. Все это нельзя ни затупевать никакой режиссерской новацией, ни испортить очередной пошлостью, добавленной постановщиком-«соавтором».

Художник Виктор приехал из города в деревню «подзаработать» – оформить

Степан Лобозёров

местный клуб. Заведующий клубом Михаил, влюбленный в Таню, приводит постояльца в дом ее родителей, где в одной из комнат устроена «гостиница». Боясь, что Таня увлечется молодым художником, симпатичным парнем, Михаил по секрету объявляет родителям девушки и ее бабушке, что Виктор «не в своем уме». А приезжему внушает, что семейка, в доме которой его селят, «психи», в селе это – не первый случай. На подозрениях друг к другу – хозяев дома к постояльцу, а того – к «ненормальной семье» и построена вся интрига. Снова перед нами водевиль, искусно выстроенный, естественно звучащий при том, что все положение героя неестественно. Живой язык, простодушное

поведение действующих лиц, нешуточные страсти в ситуации явно шутовской – все делает внешнее течение действия запоминающимся. Но за простотой забавной коллизии стоит тот очищающий нашу жизнь юмор, о котором говорил еще Н.В. Гоголь:

«...смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей, – но тот смех, который... углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугали бы так человека... Нет, не справедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многое бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но озарённое силою смеха, несет оно уже примиренье в душу...»

Не примиренье, добавим мы, а неприятие подозрительности, лжи, мелкого лукавства, пустоты иных желаний и забот. Как всегда бывает с героями талантливых пьес, персонажи комедии «Семейный портрет с посторонним» в конце всех проществий оказываются мудрее, добрее и чище, чем до забавного испытания, которое они устроили сами себе. словно бы глаза у людей открылись, вроде они взглянули на свое некрасивое поведение со стороны.

Если комедия, о которой мы только что сказали, была написана в начале девяностых годов, когда безразличность, духовная опустошенность, нищета и разруха только замаячили в нашей жизни, то пьеса «Семейный портрет с дензнаками» создавалась десятью годами позже, когда эти спутники российских «реформ» искалечили судьбы многих и многих людей. И, конечно, деформировали духовную жизнь и человеческие характеры. Героям второй коме-

дии, деревенским супругам Тимофею и Катерине, неожиданно прислал сто пятьдесят тысяч рублей их племянник, явно добывающий средства разбойным промыслом. Из разговоров ошеломленных «богачей», их близких, зритель узнает о клубке проблем, которые омрачают жизнь этих людей. Нищие односельчане уверены, что на такие деньги они позарятся воры. Об этом же думает и семья Тимофея. всю ночь она, дрожа от страха, ждет грабителей. Наконец, один, в маске, показался в проеме окна и потребовал вынести деньги. В противном случае он пригрозил поджечь дом. Всякий раз, напоминая свое дерзкое требование, он менял голос, но один раз забылся и произнес угрозу собственным голосом. Тимофей и Катерина узнали в «грабителе» своего зятя Михаила, мужа дочери Татьяны. При той жизни, о которой мы узнали из разговоров героев, при той морали, которую уже усвоили многие, его поступок неудивителен.

«Шутник» получил две зуботычины от Тимофея, и все домашние сели за стол отпраздновать свое новое положение – самых богатых людей в деревне. Только бабка, мать главы семейства, произнесла покаянные слова: «Не дай Ты нам, Господи, ни денег этих, ни золота, а вразуми светом Твоего Разума».

Пьесы Степана Лобозёрова тоже вразумляют нас, зрителей и читателей: «Мы все живем по соседству. Так давайте же поступать всегда по совести, утверждать в нашей земной семье доброту, правду и любовь друг к другу». По большому счету, истинная литература этим и занимается. И с радостью сознаешь, что произведения драматурга, отмеченные высокой нравственностью, искрящимся юмором, живописным народным языком, составляют часть этой благородной словесности.

Андрей РУМЯНЦЕВ

Фото предоставлены автором